

Истязаніе М. Л. Мельникова съ научной точки зрѣнія.

Проф. П. И. Ковалевскаго.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1907 г. вся Россія была поражена и возмущена лукавымъ вовлеченіемъ и злодѣйскими истязаніями члена союза русскаго народа въ Одессѣ, М. Л. Мельникова, какою-то партіею людей.

По словамъ „Русской Рѣчи“, обстоятельства дѣла состояли въ слѣдующемъ. 9 мая пополудни на Николаевскомъ бульварѣ Одессы прогуливался молодой человѣкъ, 17 л., М. Л. Мельниковъ, бывшій воспитанникомъ одесской духовной семинаріи. Утомившись прогулкой, г. Мельниковъ присѣлъ на скамейкѣ, противъ квартиры командующаго войсками округа, г. Каульбарса. Рядомъ на скамейкѣ сидѣли три молодыхъ еврея. Вскорѣ на балконѣ дома vis-à-vis вышли Каульбарсъ и его семейство.

— Посмотри, сказалъ одинъ изъ евреевъ, — вонъ вышелъ нашъ кровопійца. Услыхавъ это, Мельниковъ вскочилъ, какъ ужаленный, со скамьи и, подойдя къ неизвѣстному, выбравшему барона, сказалъ:

— Какъ вы смѣете это говорить... Вы за это поплатитесь. При этомъ Мельниковъ сдѣлалъ движеніе будто бы съ цѣлію заявить о случаѣ городовому. Неизвѣстные встали и быстро

стали удаляться. Мельниковъ погнался за ними и догналъ около зданія думы.

— Оставьте меня, я васъ не трогалъ, крикнулъ неизвѣстный, котораго Мельниковъ схватилъ за шиворотъ.

Въ отвѣтъ на это раздалась одна пощечина, за тѣмъ другая, третья...

— Ступай! это тебѣ урокъ впредь не трогать русскихъ людей.

Однако Мельникову дѣло не обошлось даромъ,—за нимъ стали всюду слѣдить.

Въ среду, 23 мая, Мельниковъ, по обыкновенію, отправился на прогулку. Около двухъ часовъ ночи, когда музыка бончилась, Мельниковъ завелъ знакомство съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ.

— Эхъ! если бы вы знали мою жизнь,—пропала она совсѣмъ, сказалъ новый знакомый.

— А въ чемъ дѣло?

— Сядемте, я разкажу вамъ.

Нѣкогда неизвѣстный служилъ почтовымъ чиновникомъ въ провинціальномъ городѣ и жилъ припѣваючи,—но подлые агитаторы принудили его къ забастовкѣ, послѣ чего его уволили со службы. Говорилъ онъ и о томъ, какъ пагубно увлекаться освободительнымъ движеніемъ, которое рисуютъ въ заманчивомъ видѣ наши якобы доброжелатели. Отъ разказа незнакомца вѣяло такой искренностью, что Мельниковъ уже сочувствовалъ въ душѣ несчастному положенію собесѣдника и вполне ему вѣрилъ.

Рѣшили выпить пива,—а такъ какъ буфетъ, за позднимъ временемъ, былъ закрытъ, то для этого рѣшили пойти въ Ланжеронъ.

Дорогой они встрѣтили еврейку, Гофманъ, которая тоже присоединилась къ ихъ компаніи... На встрѣчу имъ изъ темноты показалась группа неизвѣстныхъ людей, человѣкъ шесть.

Всѣ они быстро приблизились къ Мельникову и вдругъ схватили револьверы:

— Ни съ мѣста! ни слова! если тебѣ жизнь дорога,—прошпенталь одинъ изъ подошедшихъ къ Мельникову, направляя въ него дуло револьвера, въ то время, какъ другіе схватили Мельникова сзади за руки и быстро зажали ему ротъ, напивъ его ватую, а за тѣмъ туго завязали глаза.

— Слѣдуй за нами! Неповиновеніе грозитъ тебѣ смертью, —проговорили неизвѣстные.

Ошеломленный неожиданностью Мельниковъ, котораго съ силою грубо толкнули впередъ, пошелъ впереди неизвѣстныхъ ему людей, останавливаясь по временамъ отъ овладѣвавшего имъ ужаса. Но каждый разъ его спутники толкали его за плечи впередъ. Мельниковъ чувствовалъ, что идетъ по крутому спуску и вскорѣ услышалъ шумъ волнъ. Послышались какіе-то голоса, а затѣмъ непонятныя слова. Къ берегу причалила лодка. Окружающіе Мельникова говорили вполголоса.

— Готово, крикнулъ грубый голосъ снизу, когда Мельникова вдругъ остановили. По положеннымъ двумъ весламъ юношу спустили на дно лодки и здѣсь связали и ноги.

Ночь была тихая, море плавно катило свои волны на берегъ, что ясно слышалъ плѣнникъ и что указывало на то, что плыли они берегомъ.

Мельниковъ хорошо помнить, что сидѣвшіе на веслахъ неоднократно мѣнялись, на что указываютъ неоднократныя остановки. Плыли, повидимому, медленно и долго,—точно опредѣлить время ѣзды юноша не можетъ, такъ какъ находился въ тяжеломъ забытіи отъ внезапнаго ужаса, во всякомъ случаѣ онъ полагаетъ, что прошло болѣе часа, какъ лодка пристала къ берегу.

Когда причаливали къ берегу, одинъ изъ бывшихъ въ лодкѣ случайно ударилъ юношу по головѣ сапогомъ, отъ чего бывшая у него на глазахъ повязка сползла внизъ и тѣмъ дала ему возможность отчасти разсмотрѣть мѣстность.

При свѣтѣ забрезжившаго утра, юноша увидѣлъ высокій обрывистый берегъ, на вершинѣ котораго росло большое развѣсистое дерево. Когда Мельникову развязали ноги, то поправили и повязку и онъ снова ничего не видѣлъ. Двѣ сильныхъ руки вытянули его на берегъ и заставили идти по песчаному пути, поросшему кое-гдѣ травой. Такъ прошли они сажень 300, послѣ чего стали спускаться внизъ по ступенямъ, которыхъ было около 15,—ступени были каменные, а иногда песчаные. Пройдя лѣсницу, юноша почувствовалъ, что идти по ровному пути; отголоски шаговъ его и спутниковъ отзвучались эхомъ,—изъ чего онъ заключилъ, что находится въ закрытомъ помѣщеніи. Дѣйствительно, вскорѣ его остановили и сняли съ глазъ повязку.

Плѣнникъ увидѣлъ себя въ пещерѣ, повидимому, устроенной самой природой. Пещера, благодаря странной обстановкѣ, представляла собою просторную комнату. Мельниковъ со страхомъ обернулся и увидѣлъ у себя за спиною семь человѣкъ мужчинъ, еще совершенно молодыхъ, и между ними женщину, одетую въ красный пенъюаръ, но уже не ту, которую онъ встрѣтилъ въ воротахъ Ланжерона. Всѣ эти люди собрались въ уголъ и о чемъ то оживленно шептались.

Мельниковъ замѣтилъ въ глубинѣ комнаты большой столъ, покрытый красной скатертью, на которомъ лежалъ человѣчскій черепъ. У стола со всѣхъ сторонъ стояли до десяти некрашенныхъ табуретокъ. У одной стѣны пещеры стоялъ шкафъ, въ которомъ ясно виднѣлось оружіе: револьверы, ружья, ножи разнаго рода и проч., но особенно виднѣлась, бичовкой привязанная за концы, большая бѣлая простыня съ красной каймой, на которой было написано что-то красными буквами, но что именно, Мельниковъ разобрать не могъ, такъ какъ пещера была освѣщена слабымъ свѣтомъ, едва мерцающей покрытой сѣткой, лампой.

— За дѣло, товарищи—Холена, на мѣсто.

Послѣ этого приказанія, всѣ присутствующіе сѣли за столъ, а къ Мельникову подошелъ огромнаго роста рыжеватый человѣкъ въ длинной рубахѣ и сапогахъ. Однимъ ударомъ онъ свалилъ несчастнаго съ ногъ и уложилъ его на кушетку, а затѣмъ сталъ раздѣвать его до гола.

Затѣмъ, повидимому, вожакъ шайки объявилъ Мельникову, что его будутъ судить за то, что онъ принадлежитъ къ союзу русскаго народа, позволилъ себѣ на Николаевскомъ бульварѣ избить ихъ члена и, кромѣ того, билъ евреевъ во время похоронъ пристава Панашка. Судьи допытывались у Мельникова, когда онъ вступилъ въ союзъ, какова численность этого союза, а также относительно боевой организаціи союза, его вооруженности и проч.

На всѣ вопросы отвѣчалъ Мельниковъ не сразу и не охотно, за что каждый разъ упомянутому Холенѣ дѣлали знаешь и онъ, вооружаясь не то тупымъ ножомъ, не то просто острымъ шиломъ проводилъ имъ съ силою по обнаженному тѣлу несчастнаго плѣнника. Еще не окончился судъ, какъ Мельниковъ отъ нанесенныхъ ему многочисленныхъ ранъ впалъ въ безпамятство.

Очнулся онъ отъ страшной боли. На ногѣ его тотъ же Холена сталъ вырѣзывать ножомъ какія-то буквы, а другой рвалъ волосы на головѣ.

Вскорѣ пришелъ вожакъ шайки и объявилъ Мельникову, что онъ приговоренъ къ смерти чрезъ повѣшеніе, при чемъ спросилъ его о послѣднемъ его желаніи.

— Помолиться хочу,—прохрипѣлъ бѣдняга, прійдя въ себя. Ему разрѣшили.

Въ пещеру вошла женщина въ красномъ, подѣ вуалью.

— Пить...

— Молчи собака.

— Убейте меня сразу,—Не мучьте меня...

Снова завязали ему глаза и повели изъ пещеры, положили въ лодку и повезли. Пристали къ берегу. Повязка опу-

стилась и онъ замѣтилъ, что была ночь. Его повели къ дереву и стали разматывать какую-то бичевку, собираясь, по-видимому, его повѣсить. Уже на шею ему накиннули петлю, какъ онъ увидѣлъ на верху силуэтъ человѣка. Собравъ всѣ силы, Мельниковъ отчаянно вскрикнулъ. Раздался гдѣ-то на дачи лай собакъ,—послышался свистокъ ночного сторожа.

Злоумышленники, испугавшись тревоги, бросились убѣгать, произвели безрезультатно въ Мельникова два выстрѣла. Человѣкъ былъ рыбакъ Комыйоми. Крикнули городского и Мельниковъ былъ спасенъ.

При изслѣдованіи Мельникова врачами, на груди и спинѣ оказалось масса порѣзовъ, размѣрами до полуаршина; порѣзы не вездѣ представляли правильныя линіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заканчивались рваной раной. Въ особенности много такихъ порѣзовъ кожи обнаружено на спинѣ. На голени лѣвой ноги ясно видѣются сдѣланныя ножомъ буквы Б. О. С. Р.—боевая организація социалистовъ-революціонеровъ. На головѣ съ правой стороны волосы вырваны и оголена кожа, прикрытая небольшимъ пушкомъ. По заявленію Мельникова, въ теченіе плѣна ему не давали ѣсть.

На простынѣ, которою былъ обернутъ Мельниковъ, наклеены, вырѣзанныя изъ красной бумаги, надписи. Точная копія простыни слѣдующая:

За открытую хулу
боевой организаціи.

№

К. К. Т. Е.

За преданность кро-
вопійцу барону Ка-
ульбарсу.

Былъ пойманъ III—1907.

Вотъ вся исторія страданій г. Мельникова. Нужно соз-
наться—исторія глупая, безсмысленная, фантастичная, въ ро-

дѣ Ринальдо-Ринальдони. Но чего-чего только не было у насъ, въ Россіи, въ послѣдніе три года... Если возможно было нахрапомъ напечатать номеръ революціонной газеты въ типографіи А. С. Суворина,—если возможно было въ 11 ч. утра, среди пріема больныхъ, явиться ко мнѣ экспроприатору, въ костюмѣ донского офицера, съ требованіемъ пяти тысячъ рублей, при чемъ только раньше выхваченный мною браунингъ спасъ меня отъ драматическихъ послѣдствій,—то почему же не могла не разыгратъ и трагикомедія съ г. Мельниковымъ, который самъ первый задралъ людей противной партіи... Одно только странно: не смотря на самое энергичное разслѣдованіе администраціей и судебною властью,—не смотря на самыя тщательныя изысканія агентомъ союза русскаго народа, дѣло г. Мельникова и доселѣ находится въ неопредѣленности. Пещера не найдена, истязатели канули въ Лету и дѣло не движется. Правда, была указана пещера, послѣ чего обслѣдовано все побережье,—но пещера оказалась не тою... Былъ пойманъ Холенъ,—но, видимо, это былъ не тотъ Холенъ, а другой. Было указано и на то, что то время, когда г. Мельниковъ долженъ былъ пребывать въ плѣну, въ пещерѣ, т. е. 24 мая, онъ съ 6 ч. утра и до 7 вечера, находился „въ пріютѣ Гладковой“... Что же это такое?..

Повторяю, въ наше дикое время возможно все,—возможна и преглушая буфонада съ г. Мельниковымъ,... но я думаю, что ее вовсе не было. Во всякомъ случаѣ она могла вовсе не быть и тѣмъ не менѣе г. Мельниковъ совершенно искренно могъ заявить, что она была. Все это было, какъ говорится: невидимое, какъ бы видимое,—и желаемое и ожидаемое, какъ бы настоящее.

Дѣло въ томъ, что въ психопатологіи существуетъ такое душевное ненормальное состояніе, когда человѣкъ образы своей распаленной фантазіи мало по малу принимаетъ за дѣйствительное явленіе и потомъ трактуетъ его, какъ таковое. Вся исторія г. Мельникова *могла явиться* въ болѣзненной фан-

тазиі даннаго лица, постепенно быть принятою имъ за дѣйствительность и за тѣмъ трактоваться имъ какъ истинное происшествіе. Самыя истязанія могли быть произведены тѣмъ же самымъ лицомъ надъ собою, тѣмъ болѣе, что сопутствующія нервныя явленія представляютъ къ этому прекрасную почву.

Психопатологическое состояніе это будетъ ничто иное, какъ *истерическій характеръ*. Я позволю себѣ изложить его, какъ онъ разработанъ въ наукѣ.—(См. подробнѣе въ моемъ руководствѣ „Душевныя болѣзни“).

Это болѣзненное состояніе характеризуется слѣдующими чертами: очень слабымъ, неустойчивымъ и подчиняющимся интеллектомъ, весьма склоннымъ къ внушенію и самовнушенію, —богатствомъ фантазіи и воображенія въ ущербъ области мышленія и со склонностью принимать воображаемое за дѣйствительность и фантазію за совершающееся,—крайнею измѣнчивостью чувства и настроенія духа съ преобладаніемъ послѣдняго въ направленіи мыслей, дѣйствій и поступковъ,—беззащитной лживостью, необыкновенною склонностью къ рисовкѣ и фигурированію въ обществѣ, при чемъ для минутнаго геройства въ обществѣ такіе люди не задумываются надъ честью, здоровьемъ и жизнью чужими и даже своимъ,—необыкновенною импульсивностью и даже рефлекторностью дѣйствій и поступковъ.

Истерическихъ людей на свѣтѣ очень много, но, къ счастью, истерическій характеръ, даже при наличности истеріи, явленіе далеко не частое. Истерическій характеръ, какъ и истерія, можетъ появиться какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, но несравненно чаще у послѣднихъ. Такія лица всегда почти отягчены патологическою наслѣдственностью. Ихъ родители часто душевно-или нервно-больные, пьяницы, преступники, сифилитики, туберкулезные и проч. Въ семьѣ такихъ людей часто встрѣчаются болѣзни, пороки и преступленіе.

Съ дѣтства это существа слабыя и хилыя. Они очень рѣзвы, болтливы, интересны и забавны. Маленькая дѣвочка успѣваетъ около себя задерживать цѣлый кружокъ мужчинъ, составляя конкуренцію взрослымъ дамамъ, болѣе общительнымъ и податливымъ. Часто при встрѣчи съ такими дѣтьми невольно задаешься вопросомъ: имѣемъ ли мы дѣло съ дѣтскою невинностью, или готовящейся проституціей. Находчивость, остроуміе и разнообразіе мысли—вотъ жизнь этихъ дѣтей; но ложь, ложь безсмысленная, безцѣльная и самая нелѣпая—еще чаще.

Умственные способности этихъ людей не отличаются глубиною и устойчивостью и являются игрушкою страстей, элюцій, воображенія и фантазіи. Они живутъ не мышленіемъ, а воображеніемъ и фантазіей. Если они не заняты обществомъ, или дѣломъ, то всегда живутъ въ чадѣ фантазіи, при чемъ, создавая цѣлыя картины, они переживаютъ ихъ съ дѣйствительными муками и радостями. Этими картинами воображенія и фантазіи они могутъ доводить себя до крайней степени страданія и экстаза. Часто повторяя эти картины, они сживаютъ съ ними и мало по мало начинаютъ принимать за дѣйствительность и говорить объ этомъ другимъ. Такимъ образомъ создается ихъ лживость, которую они теперь сами принимаютъ за дѣйствительность и говорятъ объ этомъ воображаемомъ, какъ на самомъ дѣлѣ существующемъ.

Основная черта истерическаго характера—*крайняя подвижность и быстрая смѣняемость*. Эта измѣнчивость совершается столь внезапно, неожиданно и безповодно, что невольно бросается въ глаза и возбуждаетъ сомнѣніе въ ихъ нормальности даже у людей, непосвященныхъ въ тайны медицинской науки. „Шальная“, „взбаломошная“—вотъ отзывы общества о такихъ лицахъ. Такая личность сейчасъ весела, счастлива довольна, общительна, болтлива,—вдругъ, моментально, безъ всякой причины, она погружается въ себя, печальна, подавлена, грустна и въ отчаяніи.

Все вокругъ нея нерадостно, безцѣльно, бессмысленно и ей чуждо. Самая жизнь для нея безъ надежды, безъ отрады, безъ опредѣленнаго будущаго. Она несчастна, она одинока, она непонята. У нея нѣтъ друга, нѣтъ человѣка, кому бы можно было открыть душу и найти утѣшеніе. Вся жизнь темна и мрачна. Горло ея сжато. Слезы текутъ ручьями. Это слезы разочарованія, отчаянія и безнадёжности... Истерическіе плачутъ горько, плачутъ часто, плачутъ по ничтожному поводу, плачутъ безъ всякаго повода и слезъ у нихъ неизсякаемый источникъ... Но вдругъ на лицѣ такой личности засіяло солнце. Еще слезы не высохли, а она болтаетъ, опять счастлива, довольна, весела, безъ разсужденія общительна и безъ толку откровенна,—теперь у нея другъ—всякій встрѣчный. У нея на душѣ нѣтъ ничего тайнаго и она выкладываетъ душу и сообщаетъ самыя интимныя дѣла людямъ далеко неподходящимъ, которыхъ нерѣдко она видитъ только въ первый разъ. Это тѣ женщины, которыя моментально умираютъ и за общанную мужемъ шляпку въ мигъ оживаютъ и ѣдутъ въ театръ.

Въ своихъ сообщеніяхъ истеричныя не *спысываются* правдивостью изложенія и при наложеніи красокъ не знаютъ мѣры, при чемъ въ излагаемой картинѣ наложенныхъ бываетъ много ложныхъ и вымышленныхъ штриховъ; а если нѣтъ подходящей канвы, то они создаютъ картину собственнаго вымысла и собственной фантазіи, выдавая ее за дѣйствительность, а, при повтореніи, и будучи увѣрены въ ея дѣйствительности. Истеричныя при этомъ могутъ быть крайне злы и безпощадны, при чемъ опять-таки правдивой основы отъ нихъ и въ этомъ не слѣдуетъ ожидать. Взрывъ ихъ гнѣва и злости иногда можетъ доходить до самозабвенія, умоизступленія и безпамятства. Особенно они злы, злопамятны и мстительны по отношенію къ тѣмъ, кто имъ не вѣритъ и разоблачаетъ ихъ неправду.

Крайне неустойчивы также и отношенія ихъ къ окружающимъ. Сегодня они къ вамъ добры, милы, любезны и настежь открываютъ вамъ душу,—а на завтра презрительны, дерзки, грубы и отъ васъ отворачиваются. И это дѣлается совершенно безъ повода, или по пустяку, не заслуживающему вниманія. Въ своихъ *знаніяхъ* они также *поверхностны* и *неосновательны*. Они накидываются на все и не усваиваютъ ничего. У истеричныхъ нѣтъ достаточнаго вниманія, нѣтъ выдержки, нѣтъ устойчивости, нѣтъ постоянства. Они перескакиваютъ отъ предмета къ предмету, отъ дѣла къ дѣлу, отъ человѣка къ человѣку. Отсюда знанія ихъ разнообразны, поверхностны, неопредѣленны и смутны. Сужденія не логичны, съ крайними скачками и непоследовательностью. Заключенія легкомысленны, фальшивы, крайне неожиданны и для каждой минуты свои особенныя. Въ разсужденіяхъ и спорахъ они берутъ крикомъ, грубостями, слезами и всегда становятся на личную почву. Разсужденія отвлеченныя имъ малодоступны. Своихъ противниковъ они не убѣждаютъ, а заставляютъ замолчать.

Чувства постоянной любви и привязанности у нихъ тоже не достаетъ. Сегодня они дарятъ этимъ пріятнымъ чувствомъ одного,—завтра-другого. По отношенію къ близкимъ лицамъ они эгоистичны, жестоки и крайне бездушны. Никто не можетъ нанести такого оскорбленія, обиды и позора данному лицу, какъ его истеричная жена. Для собственной рисовки, желая себя выдвинуть невинной жертвой въ глазахъ другихъ, эти личности не стѣсняются на мужа лгать, клеветать, взводить обвиненія въ побояхъ, взяточничествѣ, продажности и т. п. грязныхъ и недостойныхъ поступкахъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ они безпощадны и къ себѣ, при чемъ не стѣсняются и фальшивыми красками для обрисовки своего дурного портрета,—но эта выставка бываетъ очень рѣдка, портретъ далекъ отъ истины и всегда значительно лучше дѣйствительности; особенно же они заботливы къ рамкѣ портрета, въ видѣ оправ-

дательныхъ мотивовъ: виновны другіе,—они же-жертва. Желая говорить правду, они лгутъ и, говоря ложь, вѣрятъ въ нее, какъ въ правду. Лгутъ они о себѣ вмѣстѣ съ правдой, желая порисоваться.

Ихъ *самолюбіе*, *самомнительность*, болѣзненно возвышенное *тщеславіе* и желаніе стоять на виду и быть *предметомъ всеобщаго вниманія*, героемъ не рѣдко побуждаетъ ихъ на очень рискованныя предпріятія. Съ этою цѣлію они рѣшаются покушаться на самоубійство, путемъ отравленія, удушенія и проч.,—а также на самоистязанія; но всѣ эти покушенія всегда производятся такъ, чтобы они достигли своей отдаленной цѣли—возбужденія говора, вниманія и участія,—но не ближайшей—прекращенія жизни. Такія покушенія совершаются почти всегда при самой эффектной обстановкѣ. Для этого заказывается новый траурный костюмъ, пишутся письма и исповѣди, выбираются самыя театральныя позы и т. д. И высшаго наказанія для такихъ лицъ нѣтъ, если подобное покушеніе пройдетъ безъ должнаго вниманія со стороны тѣхъ лицъ, для которыхъ оно разыгрывалось. Чувство ревности, гнѣва и любви у нихъ столь-же бурно, какъ и мимолетно. Истеричныя никогда не могутъ господствовать надъ страстями и положиться на ихъ чувство и постоянство невозможно. Они лишены откровенности и всѣ живы не изъ за выгоды лжи и обмана, а изъ любви къ искусству. Для нихъ величайшее наслажденіе—обмануть близкихъ людей. И эта ложь высказывается прямо, дерзко, съ непоколебимымъ хладнокровіемъ. Такими выходками, капризами, грубостью, ложью, клеветою, дерзостью, жестокостью, безсердечностью они дѣлаютъ жизнь окружающихъ невозможною. Раскаяніе имъ не понятно. Правда, бываютъ моменты, когда ихъ уличаютъ въ крупномъ неблаговидномъ поступкѣ, что они какъ бы обнаруживаютъ раскаяніе и начинаютъ открытую исповѣдь,—но и это все дѣлается не по истинному чувству, а изъ влеченія къ рисовкѣ и театральности. Поразительна также у этихъ

людей нечувствительность къ чужому горю и несчастью, хотя бы эти послѣднія были причинены ими же самими. Иногда эти люди совершаютъ воровство со взломомъ, подлогъ, мошенничество и другіе, еще болѣе неблагоприятные, поступки,—и все это у нихъ сходитъ безъ стыдливости и сознанія мерзости содѣяннаго до совершенія новаго такого же поступка.

У истеричныхъ поражены высшіе задерживающіе мыслительные центры. Эти больные не имѣютъ ничего опредѣленнаго, ничего самобытнаго, ничего самостоятельнаго. Они живутъ подражаніемъ,—но только во всемъ впадаютъ въ крайность и доводятъ до патологичности. Они легко поддаются внушенію и вѣрятъ всякой нелѣпости, доводя ее путемъ самовнушенія до полного убѣжденія.

Особенно многочисленны и интересны у этихъ людей половыя извращенія, — но они къ данному дѣлу не относятся и мы о нихъ не будемъ распространяться.

Самыми частыми преступленіями, совершаемыми этими людьми, будутъ: ложный доносъ, обвиненія въ попыткахъ изнасилованія и лишенія невинности и воровство.

Вотъ картина истерическаго характера. Разумѣется не у всѣхъ больныхъ она проявляется именно въ такомъ видѣ; напротивъ, у многихъ многого изъ этого симптомокомплекса не будетъ доставать; тѣмъ не менѣе основныя черты свойственны каждому изъ этихъ больныхъ.

Спрашивается, что же общаго между этой клинической картиной болѣзни и г. Мельниковымъ? Г. Мельникова я никогда не изслѣдовалъ, не видалъ и совершенно не знаю,—а потому и не утверждаю, что всю свою исторію онъ выдумалъ въ состояніи патологическаго истерическаго состоянія. Возможно, что въ наше, сумашедшее, время все это даже было и на самомъ дѣлѣ.

Я говорю только, что картина преступленія, описаннаго г. Мельниковымъ могла и не быть въ дѣйствительности, а

созданною фантазією истеричнаго человѣка. Основаніемъ для такого моего мнѣнія могутъ быть слѣдующія данныя:

1. Абсолютная безсмысленность, нелѣпость и невѣроятность происшествія. Всѣ мы знаемъ, что революціонная партія въ своихъ дѣйствіяхъ отличалась обдуманностью и рѣзкою раціональностью и цѣлесообразностью. Государственной власти именно потому и трудно было бороться съ этой партіей, что въ ней участвовали не наемники, а добровольцы, люди молодые, энергичные, съ молодыми умами, инициативой, безпредѣльной энергіей и самопожертвованіемъ. А здѣсь? Здѣсь если и были дѣятели, то полные ослы и дураки.

2. Фантастичность событія, достойная любого истеричнаго.

3. Стремленіе прославиться и стать героемъ.

4. Лживость и сбивчивость въ построеніи картины.

5. Злоба и узкій эгоизмъ.

6. Мученичество для геройства.

7. Клевета и безпощадность къ врагу.

Можно было бы указать еще многое другое, но для этого нужно было бы знать самого г. Мельникова, а же сужу по изложенному факту въ газетахъ.

Но противъ всего этого могутъ привести весьма сильное и серьезное возраженіе: а истязанія? Нѣсколько десятковъ порѣзовъ кожи, произведенныхъ, по заявленію врачей—экспертовъ, въ самыхъ чувствительныхъ частяхъ кожи—не угодно ли все это сдѣлать для какого-то геройства!.. А вырѣзанныя буквы на лѣвомъ бедрѣ Б. О. С. Р.... А выщипанные волосы?!...

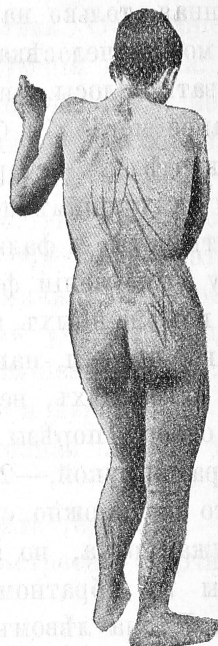
Для объясненія всѣхъ этихъ явленій я долженъ добавить изъ научныхъ данныхъ объ истеріи, что у истеричныхъ очень часто можетъ наступать *полная нечувствительность кожи*. Ее можно жечь, колоть, рѣзать,—и кожа остается все-таки нечувствительной. Эта нечувствительность можетъ быть общая и частная,—долговременная (годы и мѣсяцы) и крат-

современная, только на время экстаза. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно человѣка царапать, колоть, вырѣзывать буквы, выщипывать волосы,—и для него все это будетъ не больно. Тоже самое могло бы быть и въ случаѣ г. Мельникова, если бы его продѣлалъ истеричный человѣкъ.

Но наилучшимъ подтвержденіемъ возможности симуляціи или притворства и фальсификаціи или поддѣлки преступленія я нахожу въ изученіи фотографій (см. рис. стр. 648). г. Мельникова, помѣщенныхъ въ 452 № „Русской рѣчи“ за 1907 г. Изучая всѣ порѣзы, нанесенные на груди, спинѣ, лѣвой рукѣ, бедрахъ и голеняхъ, нельзя не прийти къ заключенію, что 1, всѣ до одного порѣзы и царапины можно нанести самому себѣ—правой рукой,—2, порѣзы и царапины на спинѣ сдѣланы такъ, что ихъ можно сдѣлать только собственной правой рукой,—чужая рука, по привычному свойству, дѣлала бы эти царапины въ обратномъ отношеніи,—3, вырѣзываніе буквъ Б. О. С. Р. на лѣвомъ бедрѣ сдѣлано именно такъ, какъ можетъ только сдѣлать человѣкъ самъ себѣ, при подогнутомъ колѣнѣ въ сидячемъ положеніи,—4, постороннее лицо, если бы вздумало дѣлать подобныя вырѣзки, то выбрало бы совершенно другое мѣсто,—5, трудно допустить, чтобы здоровый человѣкъ, съ нормальной чувствительностью, допустилъ безъ сопротивленія и противодѣйствія, постороннему лицу сдѣлать такъ правильно вырѣзку буквъ Б. О. С. Р., какъ это сдѣлано у г. Мельникова,—6, только при вырѣзкѣ этихъ буквъ собственной рукою и при личномъ желаніи можно получить такую правильность и отчетливость,—7, вырываніе волосъ собственными руками на головѣ при экстатической анестезіи вполне возможно.

На основаніи этихъ положеній, я позволяю себѣ дѣлать такіе выводы: 1, преступленіе надъ г. Мельниковымъ могло никогда не имѣть мѣста въ дѣйствительности,—2, оно плодъ его болѣзненной фантазіи, побудившей его совершить надъ самимъ собою рядъ истязаній, производство которыхъ объяс-

няется существованіемъ тогда у него экстатическою временною нечувствительностью кожи,—3, все это легко объясняется личностью у подобнаго лица истерическаго характера и истерическаго ненормальнаго состоянія.

Въ подтвержденіе моего мнѣнія я позволю себѣ привести случай, описанный мною изъ дѣлъ Варшавскаго Судебнаго Округа (П. И. Ковалевскій: Судебно-психіатрическіе очерки, 1900).

235-44-52
Нѣкто М. К., 7 октября 1884 г., заявила властямъ, что она вмѣстѣ съ нареченнымъ своимъ, Ч., пришла въ уединенную, стоящую на проѣзжей дорогѣ, корчму Б. Женихъ ея на время отлучился, попросивъ ее обождать прихода. Наступилъ вечеръ. Жениха не было. Б. предложилъ ей остаться ночевать въ корчмѣ. Легли спать. Б. съ женою въ одной постели, а К. съ какою-то дѣвушкой, которая называлась родственницей Б.,—въ другой. На постели расположились такъ: къ стѣнѣ легла К., а съ краю—дѣвушка. Ночью у К. разболѣлись зубы и она встала полоскать ихъ,—поэтому въ дальнѣйшемъ подъ стѣнкой очутилась дѣвушка, а съ краю—К. Около полуночи К. услышала, что Б. поднялся съ постели, вышелъ въ другую комнату и началъ точить ножъ. Хотя въ комнатѣ было и темно, тѣмъ не менѣе К. могла различать происходившее. Затѣмъ Б. вошелъ въ ихъ комнату, подошелъ къ постели, на которой спала К. и вонзилъ ножъ въ дѣвушку, которая лежала подъ стѣнкой. Ударъ былъ сразу смертельный. Б. переволокъ трупъ и унесъ его изъ дому. К. такъ была перепугана, что, пользуясь темнотою, выскочила изъ дому, побѣжала въ лѣсъ, выждала утра, а затѣмъ явилась къ стражнику и объявила ему обо всемъ случившемся.

Началось слѣдствіе. Оказалось, она не К., а Ч. Жениха у нея никогда никакого не было. Да и личности такой, какъ она назвала, не оказалось. Произведенъ былъ новый допросъ К. или, точнѣе, М. Ч. и она показала:

Да, въ ея разсказѣ кое-что не вѣрно,—но правда есть и вотъ она: Десять лѣтъ назадъ, когда былъ живъ ея отецъ, она на чердакѣ своего дома нашла мѣшокъ съ деньгами. Денегъ было много, но сколько—не знаетъ. Она сказала объ этомъ отцу, при чемъ отецъ приказалъ ей денегъ не трогать. Отецъ умеръ. Тогда она взяла деньги и отнесла ихъ дядѣ, М. Ч. Спустя нѣкоторое время, она попросила у дядѣ денегъ, но онъ не далъ ей. Она затѣяла процессъ. Проиграла его и за это посидѣла 2—3 недѣли въ тюрьмѣ. Нынѣ она вновь обратилась къ дядѣ за деньгами. Онъ ей далъ 10 рублей, а за тѣмъ сказалъ, что дастъ ей еще больше, но только для этого нужно пойти къ другому лицу. Въ воскресенье, 7 октября, утромъ вышли они изъ деревни и пошли по назначенію. Долго они шли и только къ вечеру пришли въ корчму Б. Б. она знала еще раньше, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ служила у одного хозяина. Пришедши къ Б., выпили всѣ водочки, а затѣмъ дядя куда то отлучился, она же осталась у Б. Все остальное произошло такъ, какъ она показала раньше. Первый разъ она показала неправильно потому, что такъ показывать научилъ ее дядя.

Началось новое слѣдствіе. Оказалось. Денегъ у ея отца никакихъ не было. Никакихъ денегъ она не давала и дядѣ. Никакого процесса она съ дядей не вела. Въ тюрьмѣ никогда не сидѣла. Дядя изъ своей деревни 7 октября никуда не отлучался. Племянницы своей въ этотъ день не видѣлъ. Б. съ К. никогда не служилъ. Въ домѣ Б. жалобщица никогда не была и въ глаза его не видала. Всѣ въ домѣ Б. живы и здоровы. Б. человекъ тихій, скромный и никакимъ смертоубійствомъ себя не запятналъ. О К. или Ч. передаютъ, что послѣ смерти ея отца она стала не въ своемъ умѣ. Особенно это съ нею сильнѣе становилось къ осени. Тогда она бѣгла изъ дома въ домъ и сочиняла небылицы. Ч. не имѣла особенныхъ занятій и занималась проституціей.

Я могъ бы привести множество такихъ романическихъ преступленій, сочиненныхъ истеричными, за которые, однако, невинно обвиняемые пострадали заключеніемъ и ссылками.

Къ такимъ же исторіямъ, по моему относится и исторія г. Мельникова.

Статья была уже готова къ печати, когда въ газетахъ („Слово“ отъ 29 февраля) появилось извѣстіе, что судъ оправдалъ обвиняемыхъ, Гринблята и Курскую, признанныхъ г. Мельниковымъ за своихъ истязателей, — всѣ же истязанія Мельникова призналъ искусственными и симулированными.

Какой ужасный эгоизмъ, жестокосердіе и безчеловѣчность — обвинить несчастныхъ людей въ ужасномъ преступленіи изъ за безсмысленнаго желанія — прослыть героемъ...